

Исправления

на стр. 5

Тебе, читатель просвященный,
На суд и милость отдаю,
Мой стих, наитием рожденный,
И музу бедную мою,

Предмет холодных наблюдений,
Мятежных дум и сладких мук,
Страстей, порывов, увлечений
Под аритмичный сердца стук,

Проказ невинных, заблуждений,
Игры фантазии и слов
В часы летучих вдохновений
Былых досужих вечеров.

на стр. 13

Отняла покой,
Ледяной рукой
Сердце вынула
У меня».

на стр. 14

Наводили меж нами контакт.

на стр. 22

От прохожих тайно,
Трудно домекнуть —
Только не случайно
Наш скрестится путь.

Слышишь, ты, ну слышишь,
Вековая ночь,
Пусть сереют крыши,
Убирайся прочь!

Александр ЛЕШУКОВ

***Поцелуи
наши отзвенели***

СТИХИ

1994 г.

Александр Михайлович ЛЕШУКОВ родился в 1934 году в хуторе Малый Починок (ныне не существующем) Кумбисерского сельсовета Никольского района Вологодской области. Закончил Никольскую среднюю школу. Служил в Армии. Продолжительное время жил и работал в Узбекистане. Окончил Саратовский политехнический институт и Высшую партийную школу. Живет в городе Никольске.

Подборки его стихов печатались в периодических изданиях и в коллективном сборнике «На родной земле».

Тебе, читатель просвещенный,
На суд и милость отдаю
Предмет моих раздумий скромный
И Лиру бедную мою,

Плоды несмелых упражнений,
Игру фантазии и слов,
Часы летучих вдохновений
Былых досужих вечеров,

Души неопытной стремленье,
Проказ невинность, шок разлук,
Любови порывы, заблужденья,
И аритмичный сердца стук.

Уже за то, что согласился
Любезно книжицу раскрыть
И заглянуть в нее решился, —
Спешу тебя благодарить.

Ну, что ж, лиха беда начало.
Теперь уж — быть или не быть
Зависеть будет и немало —
Смогу ли дальше заманить.

Коль ты, солидный и почтенный,
Своим вниманьем одаришь, —
Меня за вольность изложений
Уж непременно побранишь.

Вздохнешь и вспомнишь время оное,
Когда, по совести сказать,
Писали более достойно.
На что не смею возражать.

А если — ранний, но бывалый,
Пропахший солнцем и костром,
Видавший виды добрый малый
Тебе наветы нипочем.

Ни реверанса ты не знаешь,
Ни хитрость тонкую, ни лесь
И все вокруг воспринимаешь
Таким, каким оно и есть.

Ты и поспоришь откровенно,
И увлечешься невзначай,
И под гитару вдохновенно
Споешь куплет - другой. Валяй.

Коль — непорочная девица —
Найдешь на явный «пересол», —
Уместно будет пристыдиться
И бросить книжицу на стол,

Но лишь затем, чтобы «случайно»,
Когда останешься одна,
Ее опять поднять и «тайно»
Допить всю «с пряностью» до дна.

А если ты поэт маститый,
То снизойди, не оскорбись.
А если — критик именитый —
Проигнорируй, отвернись.

Тебе ль пристойно утруждаться, —
Ннд тощей книжицей корпеть
Или блаженно забавляться, —
И я хотел бы уцелеть.

Таких ли ты собственноручно
И наставлял, и укрощал,
Или щадил великодушно,
И по-отечески прощал.

Однако следует признаться,
И мне порядок уважать.
Мой крест — писать и защищаться.
А твой — ругать и поучать.

Итак, читатель благородный,
Кордон остался позади.
Горит зеленый — путь свободный.
Прошу покорнейше — входи.

За Шебунихой * токуют глухари

За Шебунихой токуют глухари,
Занялись еще до утренней зари.

Разбундился взалхлеб тетерева,
На Шебундихе высокая трава.

Ходят лошади, пасутся по лугам,
Разошлися, разбрелися здесь и там.

Где ты, Чалая хитрюга — старина,
Ты опять, небось, отбилася одна?

Может в ельник завалилась? — Ну и пусть.
Я и там тебя найду, не побоюсь.

Чай не маленький — уж скоро девять лет,
Да и в небе загорается рассвет.

Лишь присяду, вот, на парочку минут,
Ноги голые немного отойдут.

И за речку все равно перебреду,
Никуда ты не деваешься — найду.

Тольке Пашкину сегодня повезло, —
Лапти новые — и сухо, и тепло.

Ничего, как отвоюется, придет,
Тятя лапти лучше толькиных сплетет.

А не то, еще с Шебундихи он сам
Приводить Чалуху будет по утрам.

А сейчас и он, наверное, не спит, —
Из винтовки в неприятеля палит.

Слева зарево — там солнышко встает.
Справа зарево, — а там война идет.

Между заревами, чуть наискосок,
И бежит седой Шебундихи поток.

*) Шебундиха — название речки.

Где ты, Чалая, шатаешься сейчас,
Я и жлебушка кусок тебе припас.

Вот уж с вечера за пазухой ношу,
Только сам еще немножко откушу.

За Шебунихой токуют глухари,
Занялись еще до утренней зари.

Разбубнилися взалхлеб тетерева,
На Шебунихе высокая трава.

ПРИХОДИ НА МЕЛЬНИЦУ

Приходи на мельницу
По тропе крутой.
Там туманы стелются
Белой пеленой.

Солнце там спускается
Прямо по горе.
Там заря купается
В розовой воде.

Щуки там зубатые
Жертву стерегут.
Там сомы усатые
В омуте живут.

За рекой курлыкают
Трубно журавли.
Там уныло хныкают
Филины вдали.

Кружатся усталые,
Стонут жернова.
В небе бледно-алые
Тают кружева.

У Егорки мельника
Все припасено:
Рыжики из ельника,
Доброе вино.

Грузди и зайчатина,
Дивная уха,
В соусе летятина —
Очень неплоха.

Ягоды отборные
В туесе стоят,
Там избушка черная
Лучше всех палат.

Ночью там не встретится
Нам никто с тобой.
А хозяин мельницы —
Парень в доску свой.

Поцелуи наши отзвенели

Не терзайся, милая, не надо,
Не вздыхай, не сетуй, позабудь,
Не печаль задумчивого взгляда —
Прошлое обратно не вернуть.

Не тревожь улегшиеся раны,
Столько лет горевшие в груди,
И себя не мучай бога ради,
И меня на милость пощади.

Не мечись ночами по постели,
Времени смиренно покорись,
Поцелуи наши отзвенели,
И давно по ветру разнеслись.

И когда все было?! А, быть может,
Это лишь приснилось нам с тобой,
И сердца уставшие тревожит,
И играет ветреной судьбой?

Не терзайся, милая, не надо,
Не вздыхай, не сетуй, позабудь,
Не печаль задумчивого взгляда —
Прошлое обратно не вернуть.

ОТШУМЕЛИ ВЕСЕННИЕ ГРОЗЫ

Отшумели весенние грозы
Над моей и твоей головой,
Улеглись наивные грезы,
Порастая былинной травой.

Сколько лиц, сколько встреч позабыто,
Сколько пройдено трудных дорог,
Сколько счастья и слез пережито,
Сколько радости, сколько тревог.

Сколько мы, сколько нас завлекали,
Изменяя, кляня и любя,
Сколько жадно тебя целовали,
Сколько я целовал не тебя.

Сколько раз безоглядно бросалась
В роковые объятия ты,
Но и мне без обиды осталось
Горделивой твоей красоты.

Ни к кому, ни к чему не ревную,
И раскаянье сердце не жжет.
Вот опять 'я безумно целую
Эти полные груди вразлет.

Не напрасно и грозы шумели,
И весна не напрасно была,
Не напрасно так жарко горели
И других мы сжигали дотла.

«Летят перелетные птицы»

«Летят перелетные птицы...»

Задорно поет патефон.

И мы начинаем кружиться

В веселом фокстроте, а он:

«Летят они в жаркие страны...»

И руки сомкнулись мои

На талии гибкого стана,

Твои, мне на плечи легли,

А груди тугие уперлись
В мою возбужденную грудь,
И что-то в ней сладостно сперлось,
И что-то мешает вздохнуть

И нигинский*) клуб полутемный
Волшебное что-то таит.
И взгляд твой рассеянный, томный
Без слов о любви говорит.

Дымится лампада на стенке.
Снуют мотылки у огня.
И жгут из-под юбки коленки
Под клешами током меня.

С каким наслаждением ~~вы~~ыхаю
Я запах дешевых духов,
И нежно тебя обнимаю,
И слиться с тобою готов.

«Летят перелетные птицы...» —
Несется в осеннюю высь.
Дрожа опустились ресницы.
Горячие губы сошлись.

Прокуренный зал покачнулся,
Поплыл из седой полутьмы.
Весь мир в небытье окунулся,
И только остались мы.

И лампа давно догорела.
Кобзон в патефоне допел.
Окно на восток посветдело,
И клуб уж давно опустел,

А нас будто в Лете купают:
Объял летаргический сон.
Лишь губы, как маки, пылают;
Да бьются сердца в унисон.

*) Нигино — название деревни.

Летят из-под Вологды птицы,
Призывно кричат надо мной.
А мне стало Нигино сниться,
И я возвращаюсь домой.

НЕНАГЛЯДНЫЙ МОЙ

«Наконец со мной
Ненаглядный мой
И любовь моя,
И беда.

Ну, бери меня,
Ну, веди меня,
Ну, целуй меня,
Как всегда.

Насиделась я,
Натерпелась я,
Все одна, одна,
Все одна.

Ночи темные,
Дни ненастные,
Как невольница
У окна.

Мои губы жжет,
Мое сердце бьет,
Моя грудь горит
Как в огне.

Что насупился,
Что потупился,
Что же ты стоишь
В стороне.

Подходи смелей,
Обними сильнее,
Эта ночь твоя
И моя.

Почему молчишь,
Хмуро вниз глядишь,
Это я же, я,
Это я.

Иль в тени густой,
В этот час ночной
Ты любовь свою
Не узнал?

Иль от счастья ты
И от радости
Свою голову
Потерял?»

«Ты прости, прости,
Этот груз нести
Больше нет уже
Моих сил.

Сам не знаю как,
Знать, попутал враг,
Но другую я
Полюбил.

Не верна она,
Холодна она,
Будто зимний день,
Без огня.

Отняла покой,
Ледяной рукой
У меня.»

* * *

Что ты, милая девочка, что ты,
Разве можно настолько всерьез
Отдаваться мечте без заботы,
До безумства, до боли, до слез.

Не вини, ты сама обманулась,
Я предлога тебе не давал,
На уставшую душу наткнулась,
Выбирая себе идеал.

И случайные встречи не очень
Меж нами наводили контакт.
Улыбнулся, - то так, между прочим,
И за плечи обнял — просто так.

Или ветер - проказник играя,
Мой костер невзначай разбудил
И его, озорно раздувая,
Искру в сердце твое заронил?

И оно, будто факел, пылает,
И волнует, и светит, и жжет,
И тревожно в груди замирает,
И покоя тебе не дает.

Успокойся от ложных волнений
И стихийный огонь потуши. —
Это признак наивных стремлений
И неопытной пылкой души.

Что ты, милая девочка, что ты,
Разве можно настолько всерьез
Отдаваться мечте без заботы,
До безумства, до боли, до слез.

РЫБАЧКА

Эй, ты! Блудная плутовка
Неизменной красоты!
И расчетливо и ловко
Заметнула сети ты.

Хитроплеты, тонкониты
Поджидают простаков,
В камышах коварно скрыты,
Зазевался — и готов.

Сколько в них перебивало
Тупорылых Карасей,
Толстолобиков немало
И солидных Усачей,

Забияк Ершей драчливых,
Благородных Осетров,

Толстобрюхих и ленивых
Оболваненных Сомов.

И другой немало рыбки
Заходило в камыши
По неволе, по ошибке,
По призванию души.

Да, в такие сети, право,
Мудрено не угодить —
И расставлены лукаво,
И цепка, и липка нить.

И приманка — просто чудо! —
Соблазнительно сладка,
И рыбачка полногруда,
Крутобедрa и гладка.

Долго я замороженный
За сетями наблюдал,
Но приманкой обольщенный
В них сознательно попал.

Не жалею, не вздыхаю,
Не кляню свою судьбу
И приманку улетаю,
И хозяйку .. люблю.

* * *

Расскажи, Саидахон, откуда
У тебя в глазах голубизна, —
Это неопознанное чудо,
Северноозерное без дна?

Где взяла пшеничные, густые
Веера разметанных ресниц,
Косы светлорусые тугие
Скромных вологодских кружевниц?

Отчего ты пахнешь мятой дикой.
Что растет на северных лугах?
Твои губы тают земляникой
На моих обкуренных губах.

Почему непрошенные вздохи
Грудь волнуют смуглую твою,
Как у той — за Вологдой на Лохе*),
Погубившей молодость свою?

Успокойся. Я не отступаю
И любовь за так не раздаю.
Исцелю всю, избобнимаю,
Да и сам, как свечка, догорю.

* * *

Пролетайте безумные годы,
Мне не жаль вас, ни крошки не жаль.
Пусть несут меня мутные воды
В неизвестную, грустную даль.

Не волнуйте минутные встречи,
Угасай необузданный пыл.
Не стучи ошалелое сердце,
Чтобы я никого не любил.

ТЫ НЕ СКАЖЕШЬ, КОЛЬКА

Николаю Иванову

Ты не скажешь, Колька,
Откровенно только,
Где мы проморгали и когда?
Как же вышло это —
Прогудело лето,
И откуда дуют холода?

Только, что звенели
Жаворонка трели,
Коростели щелкали во ржи,
Птицы улетали,
Пашни опустели,
Как так получается, скажи?

Где же затерялся,
Что же оборвайся

*) Лоха — название реки.

Хромки разудалый перебор,
И по воскресеньям
С плясками и пеньем
Девки не выходят на угор?

Что за наважденье,
Перевоплощенье —
Прямо ухочешься до слез, —
Школьная подружка
Зинка - хохотушка
Стала словно мини - паровоз.

Горы стали круче,
Ниже стали тучи,
Будто подменили зеркала, —
Там такие рожи, —
Аж мороз по коже,
Лучше бы и мать не родила.

Ты не скажешь, Колька,
Откровенно только,
Где мы проморгали и когда?
Как же вышло это —
Прогудело лето,
И откуда дуют холода?

Это было в семьдесят девятом

Трудно мне рассказывать, ребята.
Ну, давайте выпьем, — и потом.
Это было в семьдесят девятом
В Ялте, в санатории одном.

Ох, друзья, была там крошка Нина!
Бог ее ли, Дьявол ли создал.
В общем, ненаглядная картина,
В общем, совершенный идеал.

Господи, у этой недотрожки
Были васильковые глаза,
Боже мой, какие были ножки!
Впрочем, и другие телеса.

Грация! — Что спереди, что сзади,
Я же был неопытен и глуп.
Черти, ну плесните ж, бога ради,
Грамм по пять — по шесть.. на каждый зуб.

Так. На чем я там остановился?..
Да, — судьба смеялась надо мной.
Я за ней как призрак волочился,
Ну, а целовал ее другой.

Трудно мне рассказывать, ребята.
Колька! Наливай полней стакан.
Это было в семьдесят девятом.
Ялта. Крым. Курорт «Узбекистан».

Кипел прибой у скал прибрежных

Кипел прибой у скал прибрежных.
Летели брызги на причал.
В толпе подружек безмятежных
Её в тот вечер повстречал.

Неотразима, бесподобна,
Затмивши все вокруг собой,
Она кокетливо, свободно
Играла дивной красотой.

Как ярким солнцем ослепленный —
Я каждый взгляд ее ловил,
А он, рассеянный и томный,
Мне ни о чем не говорил.

В ее словах, в ее движениях
Искал я, мучаясь, ответ,
Но в их искусных выраженьях
И было «да», и было «нет».

Ее опущенные плечи,
Неторопливый разговор,
Хрустальный смех и южный вечер
Я вспоминаю до сих пор.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

О, Господи! Когда же это было?!
Но память сохранила навсегда
Прощальный вальс, и сердце не забыло
Печальный взгляд и робкий шепот «да».

Как юны и доверчивы мы были
И как наивны в мыслях и делах,
Свою судьбу, казалось, ухватили
И жизнь держали в собственных руках.

Увы! Фортуна скоро изменила,
И все пошло как раз наоборот, —
Судьба сама нас за руки схватила,
А жизнь дала жестокий поворот.

Метало нас, как листья, и кружило.
И годы, будто тучи, понеслись
Земле и Небу так угодно было, —
Дороги наши больше не сошлись.

Но сейчас, вдруг эхом отзовется
Далекий вальс прощальный, и тогда, —
Больное сердце бурей всколыхнется, —
Я вижу Вас и снова слышу «да».

Что стоишь, изваяние?!
Проходи, проходи.
Неземное создание
Из греха и любви.

Сколько детской наивности
В чуть раскосых глазах
И искусной невинности
На капризных губах.

И слобна и податлива,
Будто телка, гладка.
Не горда, не задатлива
И лукаво кротка.

Никому не обязана,
Не должна, не верна.
Ни к кому не привязана
И ничья экс жена.

Похотливая, жгучая,
Проходи, проходи.
Исцелую, измучаю
И усну на груди.

Не забудь этот день, не забудь

Не забудь этот день, не забудь,
Ведь не часто такие бывают,
Что так сладко врезаются в грудь,
Что так нежно грустить заставляют

Пусть запомнится он навсегда,
Пусть всплывает он снова и снова,
Чтобы ты никого, никогда
Целовать не смогла бы другого.

Не забудь этот день, не забудь.

ТИХО НОЧЬ КРУЖИТСЯ

Тихо ночь кружится.
В доме тишина.
Только мне не спится —
Утром ждет Она.

И Она, быть может,
В этот поздний час
На кровати тоже
Не смыкает глаз,

И, вздыхая нежно,
Грусти предалась,
Спит ли безмятежно,
Утомившись всласть?

Слушай, ночь, ну слушай,
Хватит напевать,
Мне большую душу
Нечего мотать.

Пусть другой ласкает —
Это знаю я,
Только он не знает,
Что Она моя.

Завтра утром рано
Я чуть свет встаю,
Встречу у Капана *)
Милую свою

От прохожих тайно,
Трудно домекнуть —
Наш скрестится путь.
Слышишь ты, ну слышишь,

Вековая ночь,
Пусть сереют крыши,
Убирайся прочь!

Что так долго таешь,
Будто год, длинна?!
Иль не понимаешь —
Утром ждет Она.

* * *

Напрасно сердце ждет,
Напрасно сердце ищет
И плачет, и зовет,
И бурей грудь колышет,

Как птица взаперти
О клетку тщетно бьется.
Ее уж не найти,
Она не отзовется,

И слезы, и мольбу
Не видит и не слышит.
И горькую судьбу
Никто не перепишет.

*) Капан — название площади.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ?

Что же происходит?
Разобраться сложно, —
Душу беспокоит
Сладко и тревожно.

Разлилась истома
С головы до пяток,
Не сидится дома, —
Тянет все куда-то.

По ночам не спится
В скомканной постели, —
Не дают забыться
Звонкие капли.

Вся земля в потугах,
Будто роженица.
В прошлогодних клумбах
Старый снег дымится.

Малые былинки
Всюду прорастают
И бетон тропинки
Невзначай взрывают.

В поле у березки
Солнце соки будит,
Налилися почки,
Как у девки груди.

Лес за речкой ожил,
Птицы ошалели, —
Не стыдятся прохожих
О любви запели.

Я НЕ ТАЮ К СЕБЕ ПРЕЗРЕНЬЯ

Я не таю к себе презренья
За то, что Вам дерзнул писать,
Но я не мог от искушенья
Себя в тот вечер удержать.

А ночью, после карнавала
Я долго глаз сомкнуть не мог,
В ушах все музыка звучала,
И Ваш веселый голосок.

Когда же ночь меня сломила,
Во сне я видел карнавал
И Вас, прелестная Людмила,
И будто с Вами танцевал.

Проснусь и вновь глаза смыкаю,
Чтоб это дольше снилось мне, —
Ведь с Вами близко так бываю
Я только изредка во сне,

Да во дворе в кровати шаткой,
Когда с газетою лежу
И, незамеченный, украдкой
За Вами издали слежу.

Пишу. Какую цель имею?
Должны Вы правильно понять.
Я и не в праве, и не смею
От Вас чего-то больше ждать

Мне двадцать пять уже в итоге,
А Вам же нету двадцати.
Вы лишь у жизни на пороге,
А я — давно уже в пути.

Я не брожу за Вами следом, —
Судьба столкнула поздно нас.
Пусть Вам останусь лишь соседом
И буду часто видеть Вас.

С НОВЫМ ГОДОМ!

С Новым годом, милая Татьяна!
Счастья Вам и столько светлых дней,
Сколько звезд на небе Намангана,
Сколько в окнах праздничных огней.

А еще я Вам желаю очень,
Чтобы все доподлинно сбылось, —
Отчего весною в полночи
Так приятно часто не спалось.

ГАРЕВИЦА*

Отгудели давно сенокосы
В скоротечной июльской жаре.
Отгуляли красавицы косы
По медвяной, росистой траве.

Озорные частушки отпели
В полумраке вечерней зари
Из Стахановской дружной артели
Молодые твои косари.

Не поет Тольки Пашкина хромка
В шалаше под веселый гаддеж,
Задушевно, призывно и громко,
Созывая к себе молодежь.

И народом и богом забыты
Запустели твои берега.
Затянуло кустами ракиты
Да ольхи заливные луга.

Все окрест нелюдимо и дико, —
Ни души, ни жилища кругом.
До тоски неуютно, безлико, —
Буераки, сушняк, бурелом.

Лишь медведь колобродит косматый,
Как хозяин, свободно везде,
Да порою приходит сохатый
К родниковой студеной воде

Видно больше огонь не займется
В очаге моего шалаша.
О, как сердце надрывисто бьется.
О, как ноет больная душа.

* * *

В долине горной под скалой
Нависшей, многотонной,
Дубок наивный, молодой
Сверкал нарядной кроной.

*) Гаревича — название речки, даль-
ний сенокос.

Тянулся, силы набирал
И вдруг в скажу уткнулся.
Ее, конечно, не поднял,
Не рос, но и не гнулся.

Что ты плачешь, моя неутешная

Что ты плачешь, моя неутешная,
Я тебя никому не отдам.
Эта ночь, и святая, и грешная,
За страданья отпущена нам.

Подымся с коленей на ноженьки,
С покаяньем святых не моли.
Это нас обманули безбожники
И тебя у меня увели.

Не рыдай, моя радость тревожная.
Нас не скоро найдешь и возьмешь.
Ночь темна и защита надежная, —
Сам Господь и охотничий нож.

Твои слезы невинные высушу
Поцелуями жаркими я.
Как тоскую, как мучаюсь, выскажу,
Как люблю, обожаю тебя.

Улыбнися, как раньше, доверчиво.
Я лицом тебе в груди уткнусь.
И любовью, в захлеб, опрометчиво,
Будто сладким вином упоюсь.

Буду слушать твой шепот таинственный,
Умиленья и слез не тая:
«Милый мой... Ненаглядный... Единственный!
Я люблю.. Я на веки твоя!»

Успокойся, моя неутешная,
Я тебя никому не отдам.
Эта ночь, и святая и грешная,
За страданья отпущена нам.

ИТАК, ЛЮБОВЬ!

Когда мы пьем, когда вино шальное
Стучит в висках, в груди волнует кровь,
Ты каждый раз глаголишь: «Что такое?»
И — «Есть ли настоящая любовь?»

Смешной философ. Да спроси любого:
«Какие в летний полдень небеса?»
И каждый скажет: «Цвета голубого,
Пока не накати́лась гроза.»

А вот незрячий «достоверно» знает,
Что это просто шутят господа.
Такого цвета вовсе не бывает.
А небо? — Небо — черное всегда.

Так кто из них арапа заправляет?
Поверь им — оба не кривят душой.
Налей по малой — очень помогает.
От всех сомнений, «Гегель» молодой.

Итак, любовь! — Случается, — бывает,
Она непостижима, как вино.
Одних безумным счастьем опьяняет, —
Другим несет страдание одно.

А третьих, (к счастью, их совсем немного),
Обходит, не касаясь, она.
Их жизнь однообразна и убога, —
Без страсти, вдохновенья и вина.

Лишь ты, вот, исключенье составляешь,
Мечтатель, неприкаянный чужак.
Любовь, как видно, смутно представляешь,
А выпить, прямо скажем, не дурак.

Пардон, «старик», увлекся я немножко.
Довольно философии и слов.
Плеси еще живительного трошки
И выпьем за коварную любовь.

СОЛОВЕЙ

О, ты! Певец неугомонный,
Кому свой голос подаешь?
Какою страстью упоенный
Всю ночь неистово поешь?

Зарю ли славить золотую,
Судьбу ли ты благодаришь?
Весну ли вечно молодую?
И буйный лес боготворишь?

Или раздолье восхваляешь,
И этот девственный ручей?
Или подругу прославляешь,
Что бережет твоих детей?

Или друзьям на удивленье,
Или врагам наперекор,
Свое искусство и уменье
Являешь, баловень аврор?

Или восторгом пламенея
И песни вольные любя,
Без всяких замыслов, затей
Поешь, счастливец, для себя?

И все рапсодии ночные
Вдали от людного жилья,
И свист, и трели рассыпные,
Быть может, слышу только я?

И здесь стою, дохнуть не смею,
Боюсь мгновение спугнуть,
И, как дитя, благоговею,
И каждый звук волнует грудь?

В твоих ладах, певец извечный,
Свои мотивы узнаю.
Я так же вольно и беспечно
Свои «рапсодий» пою

И знать не знаю — кто их слышит
Иль хвалит их, или бранит:

И лишь душа стихией дышит,
И сердце пламенем горит.

Но, видит Бог, дерзнуть не смею —
Равняться с музою твоей.
И голос мой куда слабее,
И песни грешные тусклей.

ПОСЛАНИЕ НИКОЛЬСКУ

Музе Вячеславне,
моей учительнице

Привет тебе, привет от друга,
Свидетель юношеских лет.
Привет твоей прохладе Юга*)
Из края знойного, привет.

Куда бы мы ни улетали,
Спеша догнать свои мечты,
Пускай лежат меж нами дали,
И все же очень близок ты.

Всечасно, лишь глаза закрою,
Я предаюсь стихии грез,
И слышю лепет над собою
Твоих приветливых берез.

Под этим небом я родился,
Увидел свет и начал жить,
Житейским мудростям учился:
Пахать, и строить, и любить.

А в Первой школе ~~незабвенной~~
Меня учили познавать
Законы строгие вселенной.
И ямб с хорёем различать.

Впервые муза посетила
Меня беспечного тогда
И жизнь спокойную смутила
Мою, как видно, навсегда.

*) Юг — название реки.

Здесь все впервые: дружба, встречи,
Надежды, вздохи, слезы, грусть,
Признанья, глазки, губки, плечи...
Да ты все знаешь наизусть.

Сейчас, когда небрежно льется
За рифмой рифма чередой,
Моя душа до боли рвется,
В надежде встретиться с тобой

О, вы! Надежды и желанья,
Что, ~~миражи~~ в стране песков...
И все ж надеюсь. До свиданья.
С любовью нежной

Лешуков.

Николаю Иванову

Спасибо, друг, спасибо. Узнаю
Твою святую искренность, приятель,
И похвалу нехитрую твою,
Ревнивый мой, наивный почитатель.

Но только ты, дружище, извини,
(Хотя твое раденье понимаю),
Меня напрасно шибко не брани,
Что я стихи в печать не посылаю.

Там высокоидейные нужды
В стандартной, современной упаковке.
Мои же старомодны и вольны,
Прямоугольны и не очень ловки.

А если их поддалить, обтесать,
Как ты велишь, ~~да~~ как коней стреножить, —
Куда-то можно будет и послать,
Да и пристроить где-то их, быть может.

Но ведь тогда их будет не узнать, —
Коли поддастся нам самообману.
Ты первый перестанешь их читать,
Да я и сам тогда не Я уж стану.

СЕРДЦУ МОЕМУ

Ну, что, допело, добесилось?!
Дошли, похоже, до черты.
Уж слишком яростно и билось,
И неумно было ты.

Твои желанья, что лавины,
Всю жизнь бурлили через край.
Ты не терпело половины, —
Тебе все сразу подавай.

В каких сетях ни побывало
По дикой алчности своей
И сколько раз ты попадало
Меж двух и более огней.

Да и доньше бы дурило,
Не озираясь на лета,
Когда бы жизнь не предъявила
Непогашенные счета.

Сейчас, когда в палате 10
Тебя врачуют доктора,
Пора обдумать все и взвесить,
И сделать выводы пора.

Сигнал тревожный, и должно ты
Его, безумное, понять,
И сбавить малость обороты —
Хотя бы герц на двадцать пять.

Больное сердце не согласно
Не убедил шальное я.
Оно рассудку не подвластно,
Оно само себе судья.

Ну, что же! В зареве заката
Еще пылающей зари
Последним пламенем объято
Гори, упрямое, гори!

КОЛЬКА ЛУКШИН

Колька Лукшин — парень был известный
Не сравнишь с какой-то шантрапой,
Вежливый, веселый, интересный,
Видный, привлекательный собой.

Из друзей заметно выделялся
Удалю и силой не в пример.
Строго по-джентльменски одевался. —
Колька был галантный кавалер.

На работе — главный закоперщик
И во всем колхозе — образец,
Он лесоруб, и серогонщик,
Пахарь, и строитель, и кузнец.

А когда в руках его сверкала
В девять рук с подпятником коса, —
На лугу, как просека, зияла
Метра на три с гаком полоса.

В праздники и прочие пирушки
Колька от души плясал и пел,
Пил, как полагается по-русски,
Только не по-русски не пьянел.

В девушек влюблялся вдохновенно,
А красавиц — просто обожал,
И они гордились откровенно,
Если Колька Лукшин провожал.

**Женщинам и старшим — поклонялся,
Маленьких и слабых — защищал,
Сильных — уважал, но не боялся,
За обиду — спуску не давал.**

Не бузил, но и не уклонялся,
Если кто-то шел «на абордаж».
..Всяк о нем душевно отзывался:
«Колька Лукшин — это парень наш».

Жизнь его, как молния, блеснула, —
Слишком мало сокола полетал.
Вздрыгнуло в засаде подло дуло, —
Колька покачнулся и упал.

Гнев и боль народа по округе
Прокатились тучей грозовой.
Плакали друзья его, подруги.
Плакали и малый, и большой.

Всем приходом Кольку хоронили.
Гроб его несли на головах.
А когда в могилу опустили, —
Лукша поседела на глазах.

До сих пор в селениях окрестных
Спросите, — ответит вам любой:
«Колька Лукшин — парень был известный, —
Не сравнишь с какой-то шантрапой».

* * *

Слушай, Никола, слушай! —
Мне тяжело.
Что-то сдавило душу,
Глотку свело.

Больно смотреть обратно,
Страшно — вперед.
А жизнь безвозвратно
Мимо идет.

Мимо. А я ни с места.
Да что со мной?!
И ни борьбы, ни протеста,
Ни крика «стой».

Хватит! Настало время
Моей судьбы.
Ногу в стальное стремя, —
Жизнь — на дыбы.

ПРОЩАЙ

Прощай. Без слез, без сожаленья
Тебе я руку подаю.
С таким же чувством, нет сомненья,
И ты протянешь мне свою.

Уже давно туман сгущался,
А наша лодка течь дала.
И я в тебе не разобрался,
И ты меня не поняла.

ОСЕНЬ

Навевает осень
Грустные мотивы,
Опустили косы
Над прудами ивы.

Желтый, опаленный
Лист на воду мечут,
Обнажая кроны,
Будто милой плечи.

И, как милой очи,
Небеса намокли,
Опустились очень,
Выцвели, поблекли.

По туманной сини
Улетели птицы.
Поредел осенник,
Как ее ресницы.

За окном узорным
Красная калина
В пламени холодном
Гроздьва раскалила.

Щедро осень мажет
Белыми мазками,
Над мойми машет
И ее висками.

Колкий снег кружится,
Леденеют лужи.
Не уйти, не скрыться
От осенней стужи.

Стынет, студенеет
Под горою речка.
И ничто не греет —
Ни вино, ни печка.

Стелется поэмка,
Зябко ветер бьется.
Вот уж по задворкам
И зима крадется.

В этом... только Вечер виноват

«Я не плачу, я совсем не плачу.
Это так... от дыма сигарет:
Прямо никуда глаза не спрячу.
Видишь, от него спасенья нет.»

«Вижу, милый, вижу Жаль какая!
Только сигареты не горят,
Да и сигаретница пустая.
И окно открыто на закат.»

«Значит, брызги жгучие попали
В очи от шампанского вина.»
«Но едва ли, милый мой, едва ли, —
Все бокалы выпиты до дна.»

«Ну, так может в полое окошко
Ветер - озорник заворотил,
Покружил по комнате немножко
И мои зеницы запыхлил?»

«Может, ну, конечно, милый, может.
Но, недавно кончилась гроза.
Ветер — даже листья не тревожит.
Воздух чист, и ясны небеса.»

«Все равно я, милая, не плачу.
Видимо... пурпуровый Закат?..»
«Верно, милый, верно, не иначе —
В этом... только Вечер виноват.»

По тебе я скучаю, дом отчий

По тебе я скучаю, дом отчий.
Не уютно отшельником жить.
Но люблю я в часы полуночи
О родимых полях погрузить.

В одиночестве снова проснулся
Рифмы буйной неслаженный рой.
И опять я в стихи окунулся
Бесшабашной своей головой.

Первый стих, помещенный в газету,
Не на шутку меня захватил.
Ну, а если уж буду поэтом, —
Расплещу свою душу и пыл.

МАМЕ

Я знаю, — в горенке своей
Ты утомилась ждать,
А я пришел на пару дней
И ухожу опять.

Прости, но кто же усидит?!
Кого удержит дом?!
Когда клокочет и кипит
И бьется жизнь кругом.

На свете очень много дел,
И все они не ждут,
Того, кто дерзок, молод, смел,
Они вперед зовут.

Одни сдвигают цепи гор,
Шагают в глубь веков,
Вступают с бездной моря в спор
И тайнами миров.

Вздымают степи. Варят сталь.
И там — в глухой дали
Ведут стальную магистраль
На самый край Земли.

Другим дано корабль вести
В космическую высь,
И у меня свои пути.
До встречи. Не сердись.

Я знаю, — в горенке своей
Ты утомилась ждать,
А я пришел на пару дней
И ухожу опять.

То-то, не видать его давно

(шутка)

Как-то раз на Конева в пивнушке,
(Где базар Никольский — «долгострой»)
Два верзилы вмазали по кружке
И вели беседу меж собой.

«Знаешь, друг, скажу тебе по чести,
В общем, от тебя секретов нет,
Прошлый раз на самом этом месте
Пил со мной известнейший поэт.

Я сижу вот так, совсем не пьяный, —
Кружки две с прицепом саданул,
Глядь!.. Сам Пушкин с Лариной
Татьяной, —
От Наталки, видно, сиганул.

И ко мне. Подходят. «Здравствуй, Ваня».
Я: «Привет. Садитесь. Очень рад.»
Сам кричу буфетчице: »Эй, Маня!
Нам по двести, даме — лимонад.»

»Хватит гнуть, — прервал приятель, — баста!
Э, куда с похмелья понесло.
Пушкин умер. Лет уж... полтораста
С той поры трагической прошло.

«Сколько, сколько?!.. Лет уж полтораста?..
То-то не видать его давно,
Да и Танька снова стала шастать
С этим... Ленским — фраером в кино.»

„ПРЕСВЯТОЙ ОТЕЦ“

По дворам, по огородам
Целый день метет.
Вдоль деревни по сугробам
Батюшка идет.

Он рукой лениво водит
С золотым крестом
И с молитвою заходит
В каждый божий дом.

«Отче наш...» — тряхнув бровями,
Густо тянет он,
Смачно с «божьими рабами»
Дует самогон.

Но один довольно тонко
Так подметил «раб»:
«Пресвятой, ведь самогонка
Наш заклятый враг».

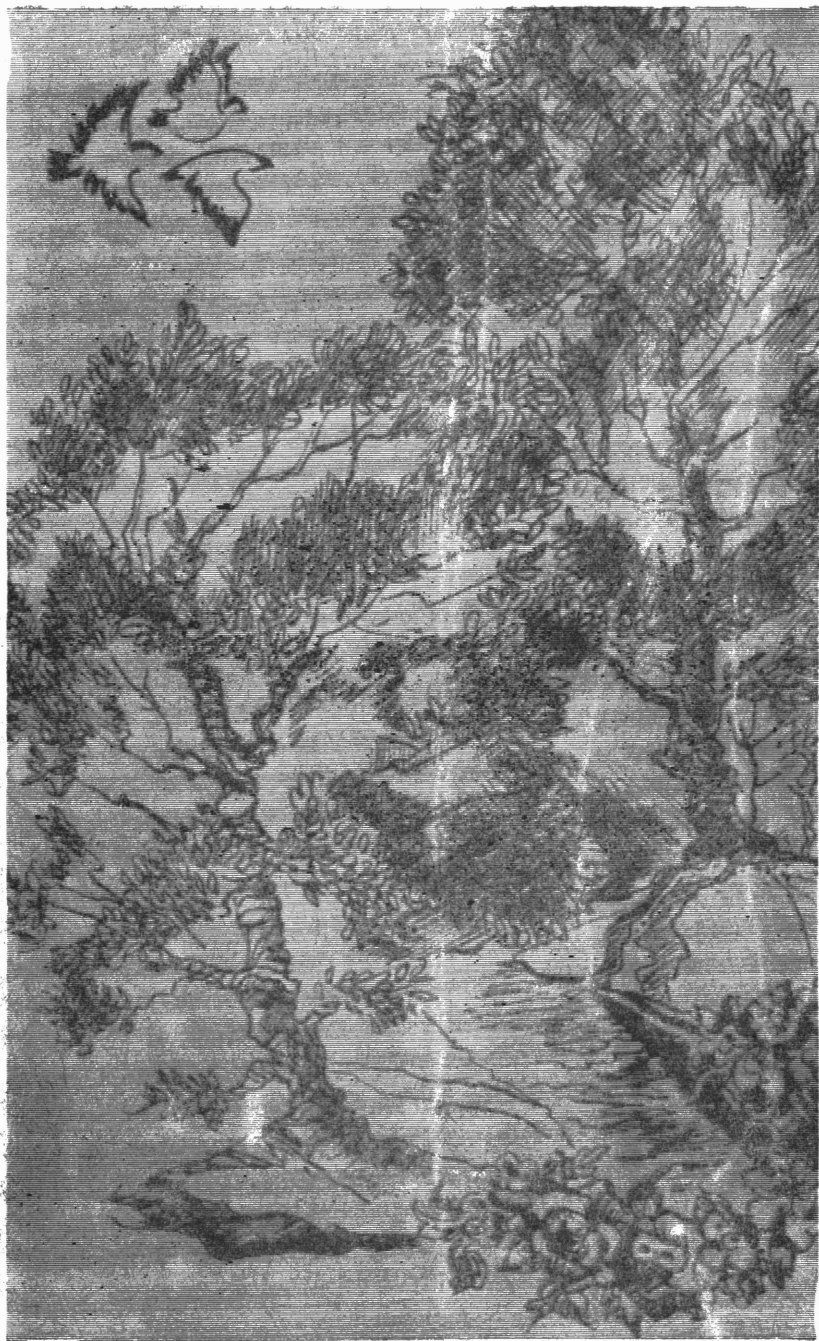
«Стыдно! Мы же христиане, —
Поп журил его, —
Возлюби — гласит в писанье —
Ты врага свою.

Ты святыя книги, право,
Грешник, не читал.»
Подмигнул «рабу» лукаво,
Осушил бокал.

Дальше путь — трудней «святому»,
Тяжелей старик.
И бредет от дома к дому
Батька напрямик.

Нипочем ему дороги
И мороз в пургу.
И уже не то что ноги —
Борода в снегу.

Крест под мышкой. Дело к ночи.
Улице конец.
И поет..., но уж не «отче»
«Пресвятой отец».

ЛОЖЬ И ПРАВДА

«Привет, кривая. Ты жива?» —
Так Правда Ложь встречала.
«Что за бестактные слова?» —
Ложь Правде отвечала.

«Тебе ли, милка, задавать
Подобные вопросы.
Почти всегда, кому не знать,
Ты оставалась «с носом».

И если только захочу,
Так было, так и ныне,
Тебя и в пыль, и в грязь втопчу,
И нет тебя в помине.

А чуть встаешь, опять кричишь,
Хрипя на все планету.
А уж того, за что стоишь,
Давно на свете нету.

Гуд бай, прямая. Мне пора.
До встречи. А куда
Живи-ка ты своим «вчера»,
А я «сегодня» буду.

ПОКА...

Москва — Луна! Москва — Луна!
Пробита трасса эта.
Но прилунилась лишь одна
Пока еще ракета.

Пока?.. Но грешников Земли
Сие разбередило.
И вновь стальные корабли
Нацелены в светило.

Довольно, будущий герой,
Томиться в центрифуге!
Уж близок день, и он рукой,
«Пока», — махнет подруге.

«Пока», и с грохотом волна
Плеснет по стартплощадке.
Взметнет экспресс Москва — Луна,
Прямой, без пересадки.

РЫСАК

Смешно, уродливо и грубо.
И кто додумался, и как?..
Какая блажь! В телегу с грузом
Заложен трепетный Рысак.

То дернет он, то чуть плетется,
То бьет копытом и храпит,
То в гору с возом понесется,
То задохнется и стоит.

Стрижет ушами, приседает,
Косит глаза по сторонам,
И пена хлопьями слетает
С горячих губ к его ногам.

Ему бы степь, простор да волю,
Да удалого седока,
Да, как положено, до боли
Ударить шпорами в бока,

Да гаркнуть, свистнуть и.. стрелою!
Да так, — чтоб ветер обгонять,
И чтоб подковою стальнойю
Из камня искры высекать.

Чтоб все слилось в порыве диком,
Чтоб щеки рвали удила,
Чтоб шашка, вскинутая с гиком,
Разогревалась до бела,

И чтобы там — в степном раздолье,
Оскалив зубы, на скаку
Упасть и сдохнуть на приволье,
Как подобает Рысаку!

БАРС

Горячий Барс — гроза долин,
Ущелий мрачных, круч сыпучих,
Любимец гор и властелин,
Когда-то гордый и могучий,

Кода-то грозный и лихой,
И вольный, словно ветер горный,
Но вот, обманутый судьбой,
Лежит он мирный и покорный.

Лежит прикованный к стене
На цепь, безжалостной рукою,
Лениво дремлет в тишине,
Привык к неволе и покою.

Потухли хищные глаза,
Жестокий нрав остыл с годами,
И дети малые, как пса,
Его уж гладили руками.

Но вот однажды, только день
В далеком небе стал искриться,
С горы в долину, будто тень,
Спускалась чуткая Барсица.

Невольник звучно позевнул,
Слегка на лапы приподнялся,
Ноздрями нервно потянул,
По сторонам заозирался.

И что-то вдруг проснулось в нем,
В звериной памяти воспряло,
Зрачки наполнились огнем,
И все внутри заклокотало.

Не то ли вой, не то ли стон,
Не то ли вдох гортанно выдал,
Глотая запах, трясся он,
Искал глазами и... увидел!

Рванулся, узами гремя,
Визжал, храпел, метался, бился,
Но цепью вздернутый, плашмя,
То навзничь падал и душился.

А между тем уже Она
Обратно в гору подымалась,
Все меньше делалась видна,
Все больше в дымке растворялась.

ПРОЩАНИЕ С ХУТОРОМ

Прощай, забитый, оскорбленный,
Ты видишь, я перед тобой
Стою коленапреклоненный
И с непокрытой головой.

Прощай. И где-то там другое,
Найдется место под Луной,
Быть может лучше, но — чужое.
Лишь ты убогий, — но родной.

Отец и дед тебя создали,
Овины, избы возвели,
В тайге сырой поля подняли
И, — «Лукшин хутор» — нарекли.

Немало черных туч сгушалось,
Больших и малых над тобой,
Немало бед лихих промчалось,
И все прошли не стороной.

А ты взирал невозмутимо,
Упрямо их не замечал,
И исступленно, одержимо
Пахал, и сеял, и молчал.

Прости. Но я не в силах боле
Терпеть глумленья пошляков
И подчиняться слепо воле
Всеуказующих перстов.

Прощай! Когда вернусь — не знаю.
И негодуя, и скорбя,
С разбитым сердцем покидаю
Многострадального тебя.

Но веруй, — встреча состоится.
Вздохнет поруганная Русь.
Падет господство инквизиций.
Падет! И я к тебе вернусь.

АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР

Цветы^{на} рампе. Строг и сдержан Зал.
Большой поэт, маститый, выступает.
Солидный том, что Маркса «Капитал»,
Своих трудов восторженно читает.

И что за стиль! Напористый крутой.
Не песенно-есененно-жуковский,
А наш — партийно - классово - прямой,
Демьяно-бедно-зримо-маяковский

Гремят стихи, поэмы. А кулак
То вдруг над сценой глыбой зависает,
То вниз летит тяжелой рифме в такт, —
Как будто гвозди в доску забивает.

Почтенный Зал внимательно следит
За каждым взмахом, а в моменты,
Когда кулак к коленку просвистит, —
Со всех сторон звенят аплодисменты.

Но иногда, то автора рука,
То зритель утомленный ошибется, —
Кулак мелькнет лишь у пупка,
А в Зале вдруг овация взорвется.

Поэт прервется, крикнет. И тогда.
Свой перст предупреждающе вздымает,
«Мол не спешите, рано, господа», —
И дальше в том же темпе продолжает.

Но вот последний, мощный взмах руки.
Захлопнут том с достоинством поэтом.
Утихли в Зале выкрики, хлопки,
И перешли к вопросам и ответам.

О тиражах, о книгах, о статьях,
О славе, о машинах и о дачах,
О женщинах, писателях и друзьях,
О премиях, и мелких неудачах,

О новых планах, замыслах, потом,
О коммунизме **НЫНЕШНЕМ** Хрущева,

И о застое сытом и хмельном,
О ШАНСЕ перестройки Горбачева,

О торжестве гайдаровских реформ,
Об их еще ДАЛЬНЕЙШЕМ углублении,
О собственности всех мастей и форм,
Об УТОПИСТСКОМ ленинском учении,

О взятках, о коррупции, вине,
О рекете, налогах и процентах,
О хлебе, ценах, помощи из вне,
И об ОЧЕРЕДНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ,

О ГЕРОИЗМЕ РУССКИХ ВОЕВОД
При СЛАВНОМ штурме «Русского Рейхстага»,
О том, как НЕВОСПИТАННЫЙ народ
НЕ ПОНИМАЕТ рыночного блага.

Поэт на все вопросы отвечал
Резонно, четко, вескими словами.
Давал советы. С жаром извещал
О скорой встрече с новыми стихами.

А то, что жизнь не ладится сейчас,
То зло еще-де в сталинской системе.
А новый курс-де правильный у нас.
И предложил держаться ближе к теме.

«Позвольте», — прокатилось по рядам.
Тут встал детина модно-бородатый.
«Ваш стих, пардон, не кажется ли Вам,
Какой-то грубый, трудный, непонятный»

Притихший Зал на миг оторопел.
У всех в глазах застыло удивленье.
«Мол, как ты, неотесанный, посмел!»
Пускай и прав, но это ж... оскорбленье!»

«Да, труден, груб, — парировал поэт.
Конечно, не миндальный, не елейный.
И в этом смысл и сила, и секрет,
И потому он суперсовременный.»

Не всем доступен, правильно, пока.
То и других волнует, вероятно,
Но я пишу в грядущие века, —
Немудрено, что многим непонятно».

«И все же, — бородатый наступал, —
Хотя бы стих последний перечтите
И смысл его, — детина рокотал, —
Для всех доступной прозой изложите.»

Поэт упорствовал. «На все свой срок.
Вот новый век наступит, повторяю,
И все пойдем. Я тоже не пророк,
Помилуйте, пока и сам не знаю».

ПОШЕЛ

Весна надолго запоздала
И непогожею далась.
Такой седые аксакалы
И то не помнят отродясь.

То дождь, то грома канонады,
То воздух резко холодел,
То истребительного града
Все сокрушающий обстрел,

То все сметающие седи,
То коркой крылася земля.
О, сколько бед перетерпели
От них хлопковые поля!

И пересевы... Пересевы...
И день и ночь неслись с полей
Машин усталые напевы
И стук дехканских кетменей.

Уже и дух сдавал и силы
Людей, измученных борьбой,
А хлопок скрюченный и хилый,
Стоял, как тронутый чумой.

Весна никак не усмирялась,
По Средней Азии кружась,

Своим бесчинством наслаждалась
И лишь.. к июлю унялась,

Когда заждавшееся лето
Пошло на приступ в глубину и ширь,
Она не выдержала это
И... повернула на Сибирь.

А на места ненастной мути
Шагнули солнечные дни.
Подпрыгнул серый столбик ртути
За сорок градусов в тени

Природа зноем напахнула
Сухим, звенящим, как струна,
И в междурядья плеснула
Карадарьинская волна

Хлопчатник немощный очнулся,
Приободрился, а потом
На встречу солнцу потянулся
Всею изможденным существом,

Сначала робко, еле-еле,
Но вот уверенный, быстрый.
Пошел. И лица посветлели
В парткомах у секретарей.

Пошел! Пошел! И дух и руки
У хлопкоробов поднялись.
Пошел! И радостные звуки
Карная в небо понеслись.

Пошел! Пошел! Пестрит в печати,
Гудят эфир и провода.
Пошел! И всем понятно, кстати,
Откуда, кто, зачем, куда.

И СНОВА „БОЙ“

Свежо. Прохладно. Чуть светает.
Тускнеют звезды в вышине.
И тишина, что лишь бывает
Перед сраженьем на войне.

Все наготове спозаранку.
Вот «капитаны» первых смен
Выводят в поле, словно танки,
Свои «ХВ», «ХТ», «ХН».

И целый день и ночь при свете
«В бою» стальные корабли
За каждый грамм, как в 43-ем
За каждый метр родной земли.

А следом с фартуками «рота»
Идет шеренгой от межи
И зачищает, как пехота,
И закрепляет рубежи.

Давно за полночь. Шум привала
С душистым чаем и шурпой.
И спят «солдаты» как попало,
А чуть рассвет — и снова «бой»

Разбор итогов, как когда-то
И во штабах, и на бюро.
Гудит эфир, как в 45-ом,
От сводок совинформбюро.

* * *

О, Господи! Ты властен надо всеми,
Усышь меня и стон телепрограмм.
Избави нас от «модных» эпидемий, —
Меня от СПИДА, оных от реклам.

ВСТРЕЧА С ХУТОРОМ

Ну, вот и встретились, родимый,
Но, что же сталося с тобой?!
Какой же варвар нелюдимый
Твоей потешился судьбой?!

Окрест развалины, руины,
Обломки битых кирпичей,
Следы пожарищ, кучи глины
Из-под разрушенных печей.

Кусты репейника, крапивы
Вокруг угрюмых пепелищ.
Черны, убоги, молчаливы
Останки бренные жилищ.

Журавль колодезный истлевший
Навис, как призрак, над бугром.
Колодец, чудом уцелевший...
Здесь был когда-то отчий дом.

Скосясь уродливо застыли
Столбов обугленных торцы,
Как будто руки обратили
Сквозь пепел к небу мертвецы.

В полях, недавно хлебоносных,
Стоит стеной чертополох.
Сплошной ивняк на сенокосных
Лугах Шебунихи и Лох.

Больное сердце замедило,
Но помощь неоткуда звать.
В коленях ноги подкосило,
Но руку некому подать.

Весенний полдень помутился.
Вдруг стало душно и темно.
И я бессильно опустился
На обгоревшее бревно.

О, сколько ты перетерпела
Многострадальная земля!
И голодала и горела,
Россия — родина моя!

Тебя терзали печенегИ,
Монголы грабили и жгли,
И профашистские стратеги
Тебе огонь и смерть несли.

Но иноземцев выметали,
Как грязный мусор со двора.
И вновь из праха восставали
Деревни, села, хутора.

А где же этот лютый враг,
Что хутор мой не пощадил,
И без войны село и город,
И всю Россию разорил?!

Увы! Он снова указывает,
В столице - матушке сидит,
Ворует, Родиной торгует
И разорителей бранит.

Люди! защитите чудо-жизнь!

Где-то в глубине тысячелетий
Звезды мироздания зажглись.
Где-то в уголке на белом свете
Чудом зародилась Чудо - Жизнь

С той поры стремительной кометой
Жизнь неслась вперед за веком век,
Рос и поднимался над планетой
И над целым миром Человек

Что ему законы тяготенья, —
Падает и снова рвется ввысь,
И, порвав земное притяженье,
Жадно во вселенной ищет Жизнь.

Рыщут в неизвестности ракеты,
Мчатся в бесконечность корабли,
И летят сигналы и ответы
С межпланетных станций и Земли.

«Слушай... Отзовися... Где ты?! Где ты?!
Под какой счастливою звездой?!»

Но молчат угрюмые планеты
И туман космический седой.

«Отзовись!» Но есть другие силы
Злобны и враждебны, и темны.
Их закон — насилие, могилы
Их дела — пожарища войны.

Призрачные, атомные тени
В тучи смертоносные сошлись.
«Люди! Для грядущих поколений
Встаньте! Защитите Чудо - Жизнь!

Если вы подыметесь, вздохнете, —
Грозный пронесется ураган,
А ладонью море зачерпнете, —
Обмелеет бурный океан.

Если вы друг другу подадите
Руки и доверите мечты, —
Встанут в нерушимом монолите
Между континентами мосты.

Если по веленью твердой воли
Скажете решительное «нет», —
Рухнет блок военных монополий,
Базы термоядерных ракет!».

Призрачные, атомные тени,
В тучи смертоносные сошлись.
«Люди! Для грядущих поколений
Встаньте! Защитите Чудо - Жизнь!

А КАК ЖЕ НЕ ПРИДЕТ

**Лукерье Никаноровне,
моей матери.**

В сорок первом бой невиданный гремел.
В сорок первом снег истоптанный горел.

В сорок первом под столицей под Москвой
Смерть вцепилась в Жизнь железною рукой.
Шла косая, не сгибаясь, напролом.
Полетели похоронные кругом.

Вот приходит и к Марии почтальон,
И конверт с бедой протягивает он.

Побледнела тут Мария — так и есть,
И ее не обошла лихая весть.

Пишет с фронта батальонный комиссар:
«Отражаем очень страшный мы удар.

Ваш Иван в бою фашистов крепко бил.
Две медали он и орден зааслужил.

По-геройски он, отважно воевал,
Но неделя как уж без вести пропал».

«Это что же?!» И Мария босиком
Побежала к инвалиду через дом

«Да неужто?! Посмотри-ка, Николай!
Что ли не жив, разберись-ка, почитай.

Ты, ведь, знаешь, ты, ведь, только что с войны.
Это как же понимать-то мы должны?!».

Простучал солдат березовой ногой:
«Подожди, да успокойся, да постой».

Прочитал бумагу, Марье говорит:
«Тут не сказано, что именно убит.

Ну, а без вести, — сейчас немудрено.
Вот объявится, увидишь все равно».

В сорок пятом прогремел последний бой.
Все живые возвращаются домой.

И Мария все надеется, все ждет, —
Вот появится, а как же не придет.

Уж давала и цыганке погадать.
А уж этой-то, конечно, как не знать.

А уж этой все известно наперед
И она сказала: «Встретитесь, придет».

Так и ждет Мария вот уж тридцать лет,
А Ивана, почему-то нет и нет.

Стала старость на Марию наступать,
Но солдатка продолжала твердо ждать.

Переставила кроватку у окна,
Чтобы лучше стала улица видна.

Если вдруг Иван под окнами пойдет,
Чтобы выбежать и встретить у ворот.

В эту зиму лютый выдался мороз.
Отвезли соседи Марью на погост.

Только вьюга над могилкою метет,
А Иван, чего-то, так и не идет.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Давно не грохочут раскаты
Огнем боевых батарей.
На фронт не уходят солдаты
От жён, от невест, матерей.

Умолкли и доты, и дзоты,
И танки броней не гремят.
Никто не штурмует высоты,
В чехлах пулеметы молчат.

И нету свинцового града,
Ни взрывов, ни минных полей,
Блокадных ночей Ленинграда,
Чудовищных концлагерей.

Война по средине Европы
Давно, полая, прошла.
Землянки, траншеи, окопы
Цветами весна замела.

Но память осталась людская,
Была она, будет и есть.
И горькая правда живая, —
Ее никому не заместь.

Ничто не забыто поныне, —
Ни муки, ни слезы, ни чад

Печей крематорских Хатыни
И ни Бухенвальдский набат.

Победа! Победа! Победа!
Ты слишком нележкой была.
Победа! Победа! Победа!
По трупам кровавым пришли.

Но вновь на груди у планеты
И в люках стальных кораблей
Коварно застыли ракеты
Крылатых и прочих мастей.

Победа! Победа! Победа!
Салют на полнеба горит,
Победа! Победа! Победа!
Пусть Мир на Земле Победит!

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Памяти Михаила Матве-
евича, моего отца.

Как после грозного прилива
Назад идущая волна,
На Запад медленно катила
В кровавом зареве война.

Полями выжженной Европы
Среди крестов, среди руин
Ее обугленные тропы
Вели обратно на Берлин.

Весна. Апрель. По землям прусским
В победный сорок пятый год
С боями Первый Белорусский
Упорно двигался вперед.

Уже снаряды доставали
Последний вражеский оплот,
Когда навстречу фронту встали
Гряды Зееловских высот.

Плато упорно возвышалось
Над всем приодерьем вокруг

И не естественным казалось,
А сотвореньем чьих-то рук.

Десятки тысяч тонн бетона,
Почти отвесная стена,
По всем законам оборона
Врагом была наведена.

Стволы орудий, доты, дзоты,
Поля невидимые мин —
Стояли намертво высоты,
А за высотами — Берлин.

Фашизм засел, залег, зарылся
За каждым выступом и меж,
Уже в агонии вцепился,
Как за спасительный рубеж.

В победе не было сомнений
И в превосходстве наших сил,
Но вид суровых укреплений
На размышленья наводил.

Остановились, подтянулись,
Приосмотрелись — что и как,
И перед приступом сомкнулись
В тугой, нокаутный кулак.

Ни вспышек выстрелов, ни звуков.
А ночь, как омут, глубока.
Со штабом фронта Маршал Жуков
Обходит медленно войска.

Доклады кратки. «Все готово», —
Спокойно слышится в ночи
В Гвардейской Армии Чуйкова
И генерала Колпакчи.

Никто не спит. Четыре, пятый.
Вокруг такая тишина,
Что и в печенку у солдата,
И в душу, врезалась она.

И время будто перестало
Ворочать стрелки на часах.

Все притаилось. Ждало... Ждало...
И вдруг... Разверзлись небеса!

Огня косматые каскады
Над батареями взвились,
И залпы мощной канонады
В едином грохоте слились.

Дышали слаженно расчеты,
Ревел неистово металл,
И гул тяжелых самолетов
Картину боя дополнял.

Накал и страсти возрастали,
Игра велась наверняка,
Сто тысяч тонн свинца и стали
Низверглось лавой на врага.

Вначале там — из нор высотных
На голос наших батарей
Пробило жидких пулеметных
Четыре — пять очередей,

И все заглохло в море дыма,
Разрывов, стали и огня.
Земля, бетон вставали дыбом,
Рвалась и плавалась броня.

И тут, как яркая комета
В упор плеснула на врагов
Волна губительного света
Ста сорока прожекторов.

Рванули танки и пехота —
Теперь настала их пора.
И покатались по высотам:
«Вперед! За Родину! Ура-а-а...

ЗУБОМ НЕ ПРОВЕРИШЬ СТАЛЬ

В 1961 году над территорией СССР
был сбит американский самолет — на-
рушитель «У-2». Вскоре после этого со-
бытия другой американский самолет

«Т-39» нарушил границу ГДР и углубился на 90 километров в глубь страны. В печати промелькнуло сообщение, что при обстреле с земли самолет развернулся, ушел в сторону моря и упал.

Отхлебнув ли лишка рома,
Добрый дядя Сэм,
Почему ли, по другому,
Но забыл совсем

То, что твердо помнит каждый,
Как у нас «У-2»
Приземлился и... неважно,
Залетев едва.

Только вновь «Т-39»
Сей почтенный сэр
Силу, нервы ли проверить
Заслал в ГДР?

Километров 90
Хищник отмотал,
Ну, а дальше?.. Очень просто, —
Как и «У» упал.

Роковое совпадение?..
Может да, а может нет, —
Если вспомнить изречение —
«По привету и ответ».

Дядя Сэм, играешь грубо,
И рискованно, а жаль, —
Даже самым крепким зубом
Не проверишь сталь!

Что грустишь, боевой старшина?

Что грустишь, боевой старшина,
И слезу вытираешь украдкой?
У тебя в волосах седина
И осколок под левой лопаткой.

Не пристойно тебе, старина,
Пасовать перед сволочью всякой,
Разверни свою грудь в орденах,
Как тогда, перед первой атакой.

Сколько раз ты врага штурмовал
Под Москвой и у стен Сталинграда,
Умирал и опять воскресал,
В преисподней кромешного ада.

В зной, в мороз и в осеннюю слизь
От Москвы до Берлина протопал.
Над тобою снаряды рвались,
Под тобою дымилась Европа.

Не тебе ли бросали цветы
И Варшава, и Вена, и Прага,
Где победно прошествовал ты
Под покровом Советского стяга.

Так не вешай же нос, старина,
И не смахивай слезы украдкой.
У тебя на груди ордена
И осколок под левой лопаткой.

КАЗИНО

Темно и мрачно казино,
Немного кто из смертных знает, —
Какле таинства оно
От глаз прохожего скрывает.

И чьи кареты, кони чьи
На двор широкий заезжают,
И каждый раз, куда в ночи
Они бесследно исчезают.

И в двери черные его.
Заходит кто, и кто выходит,
По воле сходятся кого,
И кто над ними верховодит.

И что за выкрики летят,
И что за звуки неземные,
Какие страсти там кипят,
Горят желанья какие?

Но только странные давно
По всей округе ходят слухи, —
Что в этом черном казино
Проказят дерзко злые духи.

У них-де там ночной притон.
Они-де в кости там играют.
И души грешников на кон
Заместо денег выставляют.

Ковши-де полные вина
Разносят юные рабыни.
На скрипке сам-де Сатана
Играет в лике Паганини.

Там ведьмы будто бы кругом
То изнывают в томной лени,
То пьют, то пляшут, то потом
К чертям садятся на колени.

И стук копыт, и визг, и рев,
И скрипка стонет и рыдает.
И так до третьих петухов,
Нечистых шабаш не стихает.

Темно и мрачно казино.
Немного кто из смертных знает, —
Какие таинства оно
От глаз прохожего скрывает.

МАЭСТРО

Бельэтаж, партер и ложи.
Знатной публикой полны, —
Тут и графы, и вельможи, —
Очень важные чины,

Фаворитки молодые,
И уже в расцвете лет,
Генсралы удалые —
В общем, самый высший свет.

Напряженное молчанье
Надо всеми тяготит.
Затяжное ожиданье
Раздражительно томит.

Чуть заметное волненье
Проплывает по рядам,
И на лицах нетерпенье
Выдает девиц и дам.

Вдруг по залу прокатился
Полувывдох, полустон,
Вздрыгнул занавес, раскрылся, —
И на сцену вышел Он.

Черный, сгорбленный, нескладный,
Скрипка в скрюченных руках,
Свет неоновый, холодный
В мексиканских глазах.

В знак приветия суховато,
Скупю бросил пару слов,
Поклонился угловато,
Посмотрел поперех голов.

Скрипку вскинул и покрепче
Стикнул корпус бородой,
Так, что вздернуты плечи
Стали вровень с головой.

На лице холодном, впалом
Брови копыями сошлись,
Поднялся смычок над залом,
Взмах..., и струны взорвались.

Застонали, зарыдали,
Врассыпную и в смеси,
В диком ритме заплясали
До, ре, ми, фа, соль, ля, си.

Буйно музыка взлетела
Неуемною волной,
Захлестнула, завладела
Каждым сердцем и душой.

И похоже, уж мелькает
Не смычок в Его руке,
А весло скребет, мешает
Гулко в адовом котле.

И невидимая сила
Нажимает на весло,
Зал как будто наклонило,
Покачнуло, понесло.

Все быстрее, выше, круче,
Набирает оборот,
И кипит поток могучий,
Бурно пенится, ревет.

В эпицентре черный профиль,
Космы спутанных волос.
Настоящий Мефистофель
К скрипке дьявольской прирос.

Зал несет, бросает стрежень
По волнам то вверх, то вниз,
Вот взметнул на самый гребень,
Скрипка смолкла, — зал повис.

Пораженные персоны
Ног не чувствуют своих.
Пол и кресла, и балконы, —
Все уходит из-под них.

Лишь по-прежнему маэстро,
Будто статуя, чернел.
Зал спустился, встал на место
И неистово взревел.

Раздирающие крики:
«Браво! бис!» — и визг, и стон,
Необузданны и дики,
Понеслись со всех сторон.

Что-то жуткое творится,
Все в истерике вопят.
Перекошенные лица
Невменяемо глядят.

И куда девались сразу
Важность, титулы, чины...
Все под действием экстаза,
Все во власти Сатаны.

Обезумев, девы, вдовы,
Норовят под ноги лезть
Чародею и готовы
Предложить и жизнь, и честь.

Избалованный Фортуной,
Он с ответом не спешил,
На одной — на самой юной —
Хищный взор остановил.

Рассмеялся Бес лукавый,
Жертву на руки поднял
И под рев, и топот шалый
За кулисами пропал.

ВИДЕНИЕ

Один в палате в день весенний
На койке я недомогал.
Поток вопросов и сомнений
Мой смутный ум обуревал.

Кто я? Откуда я? Зачем я?
Как мир, и вечны, и стары,
Они давно стучали в темя,
Что камнепад с крутой горы.

И каждый раз я их пугался,
Робел, ответов избегал,
Ловчил, хитрил, ретировался,
Но в рассужденья не вступал.

И в это сложное мгновенье
Я начал голову ломать
И призывать воображенье,
Чтобы смятение прогнать.

То напрягал мозги до боли,
Стихи по памяти читал,
Считал до тысячи и боле,
То к Богу думы обращал.

То зябко кутался в постели,
А то метался, как в огне, —
Они же, будто черви, ели
Живое что-то там, во мне.

Но ни уловки и ни время
Не заглушали «камнепад»,
Кто я? Откуда я? Зачем я?
Во мне гудело как набат.

И понял я — для отступленья
Уже дороги дальше нет,
Стал оправляться от смятенья,
Искать мучительно ответ.

Ну кто?! И так, долой смущенья.
Я Человек! И в этом все —
И существо определенья
И назначение мое.

Потомок я Адама с Евой
(Оттуда род исходит мой)
Или, согласно мысли смелой, —
Приматов родственник прямой.

Понятно всем, престижной все же
Родниться с грешной парой, но
Менять родителей не можем,
И выбор делать не дано.

Хоть так, хоть эдак — спору нету,
Я Человек! А только он,
Из всех существ, на всю планету
Один рассудком наделен.

И потому я царь природы,
Владыка мертвой и живой.
Преобразую сушь и воды
Своей все могущей рукой.

Могу снести и сдвинуть горы,
И реки вспять поворотить,
И океанские просторы
И укротить и покорить.

Подвластен мне могучий атом,
Земные недра в глубине
И космос черный и косматый
И жизнь сама подвластна мне.

То в жар, то в дрожь меня бросало.
Все больше я изнемогал.
Порой сознание покидало,
Но голос внутренний вещал:

Все: космос, звезды и планеты,
И солнце — только для меня.
И Бог, и царь я в мире этом,
И центр вселенной — это я!

Сознание снова провалилось.
Увы, недуг торжествовал.
Не знаю, сколько это длилось, —
Я голос свыше услышал.

То было тучи громыханье,
Лесного зверя зычный рык
И бури снежной завыванье,
И полуночной птицы крик,

И плеск, и грохот водопада,
И дикий рев, и жуткий вой,
Осадных пушек канонада,
И моря бурного прибой,

И шум дождя, и звон капли,
И насекомых трескотня,
Степного жаворонка трели,
Но голос явно слышу я.

«Очнись, несчастный, — доносилось, —
И возносишь вослед за мной».
И эхо гулко повторилось,
Как в гроте, в комнате пустой.

Тотчас все светом озарило.
И вижу там, за потолком,
Повисло яркое светило,
Потом качнулось, а потом

Моргнуло, стало удаляться.
А что со мной произошло?
И сам не в силах разобраться,
Но только чую — понесло.

Лечу, не знаю чем влекомый,
Но ясен ум, легко груди,
И весь как будто невесомый,
И свет все тот же впереди.

Лечу. Земля как на ладони,
И что-то движется на ней.
И океаны в зыбком лоне
Качают мачты кораблей.

Сады, пустыни пролетают
И ленты рек, и цепи гор,
И страны целые мелькают,
И степи стелются в ковер.

Летят поля, леса, равнины,
Но тут я начал примечать
Довольно странные картины,
О чем нельзя не рассказать.

Я видел гибель целых наций,
Больших и малых городов,
Обширных царств, цивилизаций,
И голубых материков.

Разгул каскада огневого
Из края в край по всей Земле,
Потоп и мор всего живого,
И трупы в иле и золе.

Но вот стихия утихала,
Оставив страшные следы,
Жизнь, обновленная, вставала
Из праха, пепла и воды.

И снова, будто на экране,
Ее размерный вечный ход.
А свет слегка мигнул в тумане
И сделал резкий поворот.

И я за ним. А трасса круче
Пошла тугой спиралью ввысь.
Мелькнули башни, вышки, тучи...
И мы.. на звезды понеслись.

Каких событий и явлений
Мне быть свидетелем пришлось!
Каких чудес и превращений
Увидеть сцены привелось!

И смерть, и новое рожденье
Планет, галактик и миров,
Их неземное население —
Полулюдей, полубогов,

Зверей и чудищ несусветных,
И тьмы и света волшебство,
Холодный хаос беспросветный
И жизни стройной торжество.

Пространства, времени, эфира,
Движенья я не ощущал
И не имел ориентира —
Где, как и долго ли летал.

А между тем уже светило
Назад успело повернуть.
Меня за ним разворотило
И мы легли в обратный путь.

«Земля!» — Нежданно невидимка
Знакомый голос подала.
И впрямь какая-то пылинка
Навстречу двигалась, росла.

Но сокращалось расстояние,
Стал проявляться силуэт
И прояснилось очертанье
Давно изученных примет.

«Смотри, смотри, — я снова слышу, —
Покои «царские» твои».
И вижу сквозь чердак и крышу
Свою палату, койку и..

На ней какая-то козявка,
Червяк, подобно запятой,
Личинка, жалкая молявка
Ушла в подушку с головой.

И что за чушь?! Вообразите.
О, ужас! Я себя узнал.
Так вот он «грозный повелитель»,
«И Бог»!.. И я захохотал.

Все тот же я. Лежу в постели.
Ни чуд, ни звездного пути.
В душе покой. Блаженство в теле.
Светает...

«Господи, прости».

СОДЕРЖАНИЕ

«Тебе, читатель просвещенный»	5
За Шебунихой токуют глухари	7
Приходи на мельницу	8
Поцелуй наши отзвенели	9
Отшумели весенние грозы	10
«Летят перелетные птицы»	
Ненаглядный мой	12
«Что ты, милая девочка, что ты»	13
Рыбачка	14
«Расскажи, Саидахон, откуда»	15
«Пролетайте безумные годы»	16
Ты не скажешь, Колька	16
Это было в семьдесят девятом	17
Кипел прибой у скал прибрежных	18
Прощальный вальс	20
«Что стоишь, изваяние»	20
Не забудь этот день, не забудь	21
Тихо ночь кружится	21
«Напрасно сердце ждет»	22
Что же происходит?	23
Я не таю к себе презренья	23
С Новым Годом!	24
Гаревница	25
«В долине горной под скалой»	25
Что ты плачешь, моя неутешная	26
Итак, любовь!	27
Соловей	28
Послание Никольску	29
Николаю Иванову	30
Сердцу моему	31
Колька Лукшин	32
«Слушай, Никола, слушай»	33
Прощай	34
Осень	34
В этом... только Вечер виноват	35
По тебе я скучаю, дом отчий	36
Маме	36
Что-то не видать его давно	38
«Пресвятой отец»	39
Ложь и Правда	40
Пока	40

Рысак	41
Барс	42
Прощание с Хутором	43
Авторский вечер	44
Пошел	46
И снова «бой»	47
«О, Господи! Ты властен надо всеми»	48
Встреча с Хутором	50
Люди! Защитите Чудо-Жизнь	51
А как же не придет	52
День Победы	54
Зееловские высоты	55
Зубом не проверишь сталь	57
Что грустишь, боевой старшина?	60
Казино	
Маэстро	62
Видение	64

Александр Михайлович

Л Е Ш У К О В

стихи

Редактор Н. В. Жданов.

Технический редактор М. В. Смоктунова

Художественный оформитель Г. А. Шелопугина

Сдано в набор 12.09.94. г. Подписано в печать 14.10.94 г.

Формат А 5. Бумага газетная. Тираж 3000 Заказ 665

Кицменгско-Городецкая типография,

1994 г.

Дополнение

На 120-летие Никольской библиотеки

им. Г. Н. Потанина

Из всех богатств, из всех сокровищ света,
Какие только создал человек,
Дороже нету и важнее нету
Священных храмов книг — библиотек.

Они хранят великие секреты,
Что родила седая старина,
Загадки, тайны, мудрые ответы,
Пророков и поэтов имена.

Когда кипели войны и интриги,
Когда пожар свирепствовал кругом,
Народ всегда спасал сначала книги,
А уж казну и прочее потом.

А после, чуть остынут пепелища,
Как панацею, книгу в руки брал,
По ней свои отстраивал жилища,
Дворцы и храмы он воссоздавал.

Сейчас, когда великое смятенье
По всей Руси поруганной бурлит,
Идет террор, духовное паденье,
Разруха, нищета и геноцид;

Когда о долге многие забыли,
В загоне ум, достоинство и честь,
А сцены и экраны полонили
Невежество, насилие и секс, —

Мы духом не падем до озлобленья,
А лишь ряды свои соединим
И книгу, — наше знамя просвещенья
И символ возрожденья, сохраним.

и будет день! — Потомок с добрым чувством,
Перекрестясь, ее раскроет вновь
И оживут наука и искусство,
И красота, и вера, и любовь!